

Покинув императорский сад, Ли Гуй направилась напрямик во Двор Вэнь — одну из двух крупнейших обителей дворцового комплекса. Второй был Сад Вань. В этих стенах жили приёмные дети императрицы. У дочерей ещё оставался шанс покинуть это место, поступив на государственную службу, сыновьям же была уготована иная участь: они служили лишь инструментом для заключения брачных союзов. Миг, когда им позволяли уйти, обычно становился моментом их «продажи» в чужую семью. И если в Саду Вань царил миротворение, то здесь всегда было шумно.

Маленькие комнаты тянулись в ряд, напоминая тюремные камеры. Во дворе кто-то играл в вейци, кто-то читал, другие переговаривались парами. На появление Ли Гуй почти не обратили внимания — она давно привыкла, что воспитанники смотрят сквозь неё. Для принцессы они были лишь мимолётными тенями: пройдёт пара десятков лет, и все они обратятся в прах.

Сопровождающий услужливо указал путь. Перед дверью Ли Ции принцесса не успела даже подать знак, как та распахнулась изнутри. На пороге возник круглолицый юноша. Ещё секунду назад он улыбался, но, увидев гостью, мгновенно помрачнел. Обернувшись, он бросил:

— Брат Цинъюй, я верну тебе книгу завтра.

Получив в ответ короткое «угу», парень вышел наружу. Проходя мимо Ли Гуй, он посмотрел на неё с неприязнью и пробормотал под нос:

— Вот ведь зараза...

Принцесса даже не дрогнула. Она знала, что эти люди давно её ненавидят, и не собиралась тратить на них силы. Велев свите ждать снаружи, она одна вошла в тесную комнату. Это помещение не занимало и половины её личной кухни. Стены были заставлены стеллажами, забитыми свитками и трактатами, а посередине стоял стол, тоже погребённый под грудой бумаг. За столом сидел мужчина в простом сером халате, волосы его были перехвачены лентой. Он был статным, широкоплечим, но болезненно худым. На бледном лице выделялись лишь глаза — прозрачные, сияющие, не тронутые мирской суетой. Мужчина листал какой-то сборник, держа в пальцах другой руки чарку. Тонкий аромат вина показался Ли Гуй смутно знакомым.

Он читал, не отрываясь, и прихлёбывал вино, полностью игнорируя вошедшую.

— Ли Ции, — позвала Ли Гуй.

— Фан Цинъюй, — сухо поправил он.

— Что? — принцесса оторопела.

— Моя мать носила фамилию Фан, а отец назвал меня Цинъюем, — он опустил книгу и

посмотрел на неё холодным взглядом. — У меня есть имя.

— Твоё имя — Ли Ции, — она упрямо вскинула подбородок. — Матушка даровала тебе жизнь и кров не для того, чтобы ты цеплялся за прошлое.

— Она держит меня здесь только ради того, чтобы в будущем выгодно продать, — безразлично парировал он. — Настоящие матери так не поступают.

В этом государстве, где царил матриархат, женщины могли быть сколь угодно суровы, но к плоти от плоти своей всегда сохраняли нежность. Дочь или сын — для матери они оставались детьми. Но для этих приёмных сыновей императрица была лишь перекупщицей, а не родителем.

К тому же Фан Цинъюй знал то, чего не знали другие, а потому признавать императрицу матерью не собирался и подавно.

— Тебе не понять замыслов матушки, — фыркнула принцесса.

— Ты жалка, — невпопад обронил он. Прежде чем она успела разозлиться, Фан Цинъюй отставил книгу и снова наполнил чарку. — Что на этот раз? Моя очередь?

— Титулованная Цюань И просила твоей руки. Императрица дала согласие, — Ли Гуй внимательно следила за его реакцией. Тот промолчал. — Ли Ции, я знаю, что тебе нравится канцлер Яо Чжи, но дело решённое. Ради долга за воспитание ты не можешь...

— Кто тебе сказал, что мне нравится Яо Чжи? — ледяным тоном перебил он. — Я вообще не люблю женщин.

«Ещё один!» — Ли Гуй нахмурилась. Матриархальный гнёт в стране стал настолько тяжёл, что мужчины всё чаще отказывались связывать жизнь с женщинами, предпочитая заключать союзы друг с другом. Рождаемость падала, и власти уже подумывали о принудительных браках.

— Ты хоть раз любила? — Фан Цинъюй отпил вина, глядя в окно. — По-настоящему, до боли в сердце?

«Любовь... до боли в сердце?»

Ли Гуй ощутила минутное замешательство. Разве всё не решается просто: присмотрела — забрала?

Он повернулся к ней:

— Ты хоть знаешь, что такое любовь? Думаешь, Цюань И просит твою мать отдать меня ей, потому что любит? Думаешь, мне дорога Яо Чжи? А знаешь ли ты, кого любит сама канцлер? — он тяжело вздохнул. — Передай Яо Чжи мои слова: пусть больше не ждёт. Тот человек... он уже мёртв.

— Кто это был? — вырвалось у принцессы.

— Всё равно не поймёшь, — он покачал головой и осушил очередную чарку.

— Я не стану передавать подобные бредни. Готовься, свадьба через полмесяца, — Ли Гуй резко развернулась и вышла.

Фан Цинъюй знал: она не передаст. Но найдётся тот, кто донесёт каждое его слово до ушей Яо Чжи. Этого было достаточно.

Он потянулся к кувшину, и на мгновение ему почудилось, будто чей-то знакомый голос шепчет: «Пей поменьше, тебе вредно».

Фан Цинъюй рефлекторно обернулся, но комната была пуста. Он горько усмехнулся собственной слабости. На что он надеется? Того, кто заботился о нём, больше нет...

Ароматное вино на языке внезапно стало невыносимо горьким. Горечь обожгла горло, провалилась в желудок и фантомной болью отозвалась в самом сердце.

— Почему люди начинают ценить что-то лишь тогда, когда теряют? — Лун Юй лежал на кровати, лениво созерцая образы, сменяющиеся в парящем перед ним зеркале Облачного Дыма.

— Наверное, только потеряв, осознаёшь значимость. А некоторые вещи, увы, уже не вернуть, — раздался тихий вздох от жемчужины, зависшей в воздухе.

— Тебе пора в путь, — холодно отрезал Лун Юй.

— Что станет с Цинъюем? — спросила душа, сокрытая в жемчужине.

— Тебе не положено знать, — ответил хозяин.

— Я лишь хочу, чтобы его жизнь сложилась хоть немного лучше, — печально вздохнула та.

— В этом мире властвует закон причин и следствий. Что посеешь, то и пожнёшь. Он не совершил великого зла, но погубил тебя, задолжав жизнь. В одном из будущих перерождений ему придётся платить по счетам, так что можешь не волноваться, — слова Лун Юя, впрочем, не слишком успокоили душу.

— Я могу простить ему этот долг.

— Это пойдёт вразрез с небесным порядком.

— Насколько мне известно, вы, господин, и сами — сущность, нарушающая небесный порядок, — дерзко отозвалась жемчужина.

— Небесный порядок всегда справедлив, — улыбнулся Лун Юй. Его тонкий намек означал одно: само его существование уже санкционировано Небом.

Его нынешняя сущность была делом рук Яи, и за это Владыка Преисподней заплатил немалую цену. К тому же, когда в прошлой жизни душа Лун Юя едва не развеялась, безумие Яи чуть не погубило всю Преисподнюю. Именно тогда Небо даровало шанс на спасение. Преисподняя изначально была слишком могущественной силой, а её Владыка — бесконечно властным существом, которого невозможно обуздать. Чтобы сохранить баланс, в Мире Мёртвых со временем появился Миньхоу — тот, кто идеально подходил Владыке и телом, и духом. Взаимное сдерживание короля и его супруга стало залогом вселенского равновесия.

Прежде чем душа успела что-то добавить, в комнату влетела призрачная бабочка. Жемчужина мгновенно погасла и со стуком упала на пол. Синее насекомое, мягко взмахнув крыльями, опустилось на руку Лун Юя.

— Господин, прошу прощения, что этот дух помешал вашему отдыху, — раздался бесстрастный голос Цзи Ляня.

— Пустяки, — отозвался Лун Юй. — Как только его душа окажется в Преисподней, сразу напоите его отваром забвения и отправляйте на перерождение.

— Слушаюсь, — Призрачная Бабочка растворилась в воздухе.

Цзи Лянь был ценен тем, что никогда не задавал лишних вопросов. Если Лун Юй принял решение, он просто его исполнял.

По правде говоря, души могли оставаться в Преисподней надолго, но Лун Юй не хотел давать этому духу надежды. Если он поймёт, что тот, кого он ждёт, никогда не придёт, лучше забыть всё и начать заново. Карма сама найдёт способ взыскать долг в нужный час.

— Радость моя, когда это ты стал таким милосердным? — Яи вошёл в комнату и, не

раздумывая, притянул Лун Юя в объятия.

— Слово «милосердие» — оскорбление для Асуры, — Лун Юй потерся щекой о его плечо. — Я просто не люблю лишних хлопот. Если бы этот дух устроил сцену в моих владениях, было бы слишком много шума.

— Глубокие чувства порой оборачиваются проклятием, — вздохнул Яи, целуя его в висок. — Фан Цинъюй задолжал тебе, и я сомневаюсь, что он сумеет расплатиться.

— Сумеет или нет, а отдавать придётся, — отрезал Лун Юй.

Много жизней назад Фан Цинъюй завязал этот узел. Не с Лун Юем, а с его прошлым воплощением — Жуань Юйчжэнем. Тогда Фан Цинъюй был маленьким нищим, которого юный князь спас из доброты душевной. В ответ нищий предал своего спасителя, едва не лишив его жизни. Небо не прощает подобного. Долг за предательство возвращается в десятикратном размере. Именно поэтому Лун Юй вырос с убеждением: «На добро отвечают добром, но чем платить за зло?»

Едва ступив в страну Сюаньжу, он почувствовал вкус этого старого долга. Фан Цинъюй был болен, ему нельзя было пить, но с первого же дня, как открылась винная лавка Лун Юя, дворцовые слуги приходили к нему за выпивкой. И Лун Юй продавал её. Он знал, к чему это приведёт, но не видел разницы. Срок Фан Цинъюя и так подходил к концу — чаркой больше, чаркой меньше...

— Радость моя, эта принцесса Гуй снова здесь, — обречённо выдохнул Яи. Он почувствовал, как Ли Гуй сворачивает в переулок Юньшуй.

— Опять она? Только из дворца — и сразу ко мне! У неё дел других нет? — Лун Юй недовольно нахмурился. — Видимо, в прошлый раз ты слишком нежно с ней обошёлся.

— Такие понимают только грубую силу, — покачал головой Яи. «Чёрт бы её побрал! Смеет заглядываться на моё сокровище... Придушу гадину».

— Где она? — спросил Лун Юй.

— Только вошла в переулок, — сверившись с чувствами, ответил Владыка.

Лун Юй поднялся, увлекая мужа за собой вниз. Зачерпнув на прилавке горсть сладостей, он вышел на крыльцо и поманил ребятшек, греющихся в тени под навесом:

— А ну-ка, идите сюда.

— Братец-лавочник, что случилось? — старший из мальчишек по имени Гао подошёл поближе, не давая остальной банде окружить хозяина.

— Держи, Гао-сяоцзы, — Лун Юй высыпал конфеты ему в ладони. — Раздели на всех.

— Говорите, что нужно сделать, — Гао-сяоцзы передал добычу остальным и выжидающе посмотрел на Лун Юя.

— Сейчас сюда придёт одна женщина. А вы просто усядьтесь прямо перед входом и не пускайте её, — распорядился Лун Юй. — Вечером угощу всех мясными баоцзы.

— Сделаем! — Гао-сяоцзы кивнул. Задача была плёвой. Ребята гурьбой уселись на ступеньки, деловито шурша обёртками.

Лун Юй вернулся в лавку. Яи лишь усмехнулся, глядя на это:

— Радость моя, ну ты и проказник.

— Я? Я вообще ничего не делал, — Лун Юй пожал плечами и предвкушающе и лукаво улыбнулся.

<http://bllate.org/book/17533/1704121>